

Джон Митчелл
Джон Дики

ФИЛОСОФИЯ КОЛДОВСТВА

Правда и вымысел
в историях о демонической
одержимости

Издательство "Велигор"
Москва 2024

УДК 133.4
ББК 86.42
Ф56

Джон Митчелл, Джон Дики

Ф56 Философия колдовства. Правда и вымысел в историях о демонической одержимости (1839). – М.: Издательство «Велигор», 2024. – 388 с.: ил.

Вниманию наших читателей предлагается книга Джона Митчелла и Джона Дики «Философия колдовства», в которой они скрупулезно изучили феномен европейского колдовства XVI–XIX веков в рамках исследования эволюции человеческого разума. Помимо хрестоматийных историй авторы приводят не столь известные случаи, которые дают читателям ничуть не меньше пищи для размышлений на заданные темы. Приняв во внимание, что ценность исследования не в последнюю очередь зависит от подлинности фактов, на основе которых делаются выводы, авторы сочли целесообразным прилагать к своему тексту документы, чтобы придать вес своим комментариям. На страницах своей книги они изучают не только случаи ведьмовства и демонической одержимости, но и мифологию Британских островов, а также явления ясновидения, сглаза, полтергейста и телекинеза.

Перевод – Алексей Архипов

ISBN 978-5-91742-390-6

Издательство «Велигор»

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

<https://vk.com/veligor97>

Мы в социальных сетях:

Интернет-магазин:
WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран:
WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

© Джон Митчелл, Джон Дики, 2024

© Издательство «Велигор», 2024

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
Глава 1. ВЕДЬМЫ БАРГАРРАНА	22
Глава 2. ФИЛОСОФИЯ ИССЛЕДУЕМОГО КОЛДОВСТВА	128
Глава 3. СЛУЧАЙ СЭРА ДЖОРДЖА МАКСВЕЛЛА ИЗ ПОЛЛОКА	165
Глава 4. СЛУЧАЙ ЭНН ДЖЕФФРИС.....	255
Глава 5. КОММЕНТАРИИ ВЫШЕУКАЗАННЫХ СЛУЧАЕВ	279
Глава 6. ШОТЛАНДСКАЯ МИФОЛОГИЯ.....	296
Глава 7. ПРИЗРАКИ И ПРИВИДЕНИЯ	335
Глава 8. СУЕВЕРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....	376

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большое значение, придаваемое демонологии, или колдовству, является одной из самых необычайных характеристик истории XVII и XVIII веков, демонстрацией одного из самых экстравагантных и нефилософских верований, когда-либо обличавших легковерие человека.

Самые талантливые и образованные люди направили все силы своего разума на разъяснение принципов, ставших основой сего популярного мнения, из-за распространенности которого сотворено так много зла.

Несмотря на все, что было написано на эту тему, авторы (и они же редакторы) нижеследующего труда придерживаются мнения, что значительная часть смелых набросков, сделанных предыдущими авторами, все еще нуждается в доработке и предлагает поле для обширных исследований и важных открытий.

Философия разума всегда была предметом глубокого интереса, и та область, которая ведет к вере в «незримые вещи», больше, чем любая другая, способствовала как росту счастья, так и преумножению страданий человечества.

Приняв во внимание, что ценность исторической науки во многом зависит от подлинности ее записей, редакторы сочли целесообразным в ходе работы прилагать к тексту документы, которые им показались наиболее ценными для подтверждения достоверности их заявлений и замечаний.

Что касается отбора случаев, представленных общественности, то мы постарались выбрать из них наиболее разнящиеся по своим общим чертам.

И мы искренне надеемся, что нынешнее поколение не сочтет наши комментарии слишком своевольными. Свобода исследования быстро распространяется среди нас, и густой туман невежества постепенно выветривается с нашего морального горизонта.

Когда он полностью рассеется, нашим потомкам, читающим истории о суевериях, давно канувших в лету, останется лишь с удивлением и сожалением всплескивать руками, сокрушаясь о порочности предков, и благодарить судьбу за то, что они живут во времена, когда таким безрассудствам и жестокостям нет места среди людей.

Разумеется, каждый здравомыслящий человек должен искренне желать скорейшего наступления этого нового времени.

ВВЕДЕНИЕ

Философия колдовства, то есть демонологии, включает в себя, в той или иной мере, историю значительной части жителей всех эпох и народов, и подразумевает, в широком диапазоне своих примеров, анализ некоторых из самых важных способностей человеческого разума.

Ни один предмет не представляет более глубокого интереса, ни один не открывает более широкого поля для наблюдений и открытий, чем исследование первых проблесков интеллектуального совершенства, проявляющихся в таинственной работе непостижимого разума.

Изучение разума во все века привлекало внимание и таланты самых просвещенных из людей. Воображение всегда любит возвращаться назад, во мрак прошлых веков, и проследить, насколько ему хватает способностей, первые слабые проблески небесного света, постепенно рассеивающие мрак ментальной тьмы. Естественно, нам нравится размышлять о первобытном состоянии наших предков и оглядываться на долгую перспективу прошедших лет, прилагая все силы своей души, чтобы проникнуть в крошечную тьму, которой время окутало события, представляющие для нас интерес, ведущие наш разум вперед, от варварства к цивилизации.

Проследивая прогресс разума, от раннего периода, когда его зарождающиеся способности, подобно молодому листу ранней весной, были свежи и новы, и до высокоразвитого и громко бахвалящегося интеллекта наших дней, мы удивляемся не столько достигнутым успехам, сколько упорству, с которым он цепляется за массу предрассудков и суеверий более мрачного периода своей истории.

Нелегко найти удовлетворительную причину кажущегося ретроградного движения ума, поскольку он постепенно переходил от достаточно завидного состояния грубости и просто-

ты к более глубоким оттенкам мрачного суеверия, трепеща под влиянием мнимой демонической силы, которая управляла его судьбами и с необъяснимой злобой пытал, нередко до смерти, объекты своей ненависти.

Предполагается, что несколько общих замечаний по этому важному предмету, иллюстрирующих причину почти всеобщей веры в наличие существ высшего порядка, не только руководящих грандиозными процессами природы, но и, затесавшись в ряды людей, в неограниченной степени влияющих на их поведение и направляющих их, будут подходящим введением к этой работе.

Когда мы смотрим на человека в ранний период его истории, мы находим его простым и грубым по характеру, невежественным и неосведомленным, уважающим великие законы, способствующие его счастью и благополучию.

Природа со всем ее великолепием и притягательностью была для него запечатанным родником, а все ее величие – ужасающим проявлением непостижимой силы. Он не видел намеки на доброту с ее щедростью и великодушием в многочисленных предметах вокруг себя, не видел и замечательное приспособление этих предметов к его желаниям и потребностям. Его незнание искусств лишило его обычных жизненных потребностей и сделало его зависимым от спонтанных творений природы: глубокой пещеры, хижины, холодной земли, лежанки, копья грубой формы, богатств, живых зверей, добычи, лишений, трудов, мести и славы.

Все это укрепляло его необузданные страсти. Никакие стимулы не побуждали его моральные силы к здоровым упражнениям, а его дремлющую энергию к деятельности. Да, он любил себя и, будучи животным, любил свое потомство. Он не стремился выйти за эти пределы.

Благожелательность, охватывающая весь род людской в одном огромном братстве, не находила места в его первобытной груди. Во всем, что его окружало, он видел непрерывную чере-

ду изменений, которые он не мог постичь, даже когда напрягал весь свой ум. Он с благоговением смотрел на палящее солнце и в страхе прятал лицо, когда грозовая туча выбрасывала из своих складок зигзаги молний. Он видел дуб, который еще недавно был владыкой леса, а теперь превратился в обгоревший обломок; оленя, который мчался как ветер, но был сражен незримой рукой и с невидимой раной распростерся на земле. Не имея представления о законах, регулирующих грандиозные процессы природы, он был склонен приписывать эти бедствия мстительной страсти какой-нибудь злой силы и легко связывал различные явления (ветер и дождь, бурю и шторм) с безудержной злобой этой силы, используемой для устрашения и истязаний сынов человеческих.

Но не только безрадостные и угрожающие аспекты природных явлений привели непросвещенный ум к вере в духовную силу. Добро часто проистекало из кажущегося зла, а активное удовольствие следовало за пассивной болью.

Воюющая буря переставала вздымать свои измученные тучи, а бушующее море – хлестать по угрюмому берегу. За обжигающим дуновением зимы следовало мягкое дыхание лето, «опаленный и желтоватый лист» осени сменялся румяным цветением весны. Яркость сияющего солнца смягчалась ворсистыми облаками, луна величаво плыла среди звезд.

Красота лазурного неба отражалась в более глубокой синеве моря, шелест летнего ветерка был смягчен покойной «музыкой» рощи. В эти моменты тишины и красоты гневные страсти, даже дикого человека, ощущавшего их влияние, утихали, приходя в гармонию с окружающей природой.

Это сильно располагало его к вере в существование не злых, а добрых духов, которые не только с удовольствием угождали ему, но и бдительно следили за кознями духов, сдерживая злые и коварные замыслы тех из них, кто враждовал с человеком.

Еще одним, самым мощным, средством распространения веры в сверхъестественные силы была рано возникшая и, мож-

но сказать, всеобщая вера в бессмертие души. Человек вскоре обнаружил, что все вокруг него подвержено изменениям, чередуясь в формах, внешне явно противоположных друг другу. Он видел, что каждая форма сотворенного существа подчиняется этому непреложному закону природы. Он видел, что какая-то таинственная сила какое-то время направляет движение к распаду, что некий ниспровергатель жизни в конце концов неминуемо берет верх. Он видел, что дикий лесной зверь падает от руки охотника, а помятый полевой цветок увядает и умирает. Он видел, что невинность детства растоптана еще до того, как мотылек оплакал смерть полной сил зрелости, и пролил слезу скорби по седовласому родственнику.

Так, человек рано начал понимать, что он состоит из тела и души. Он видел смерть и смотрел на нее со страхом. Он наслаждался жизнью и любил ее, даже ради нее самой, поэтому с тревожным ожиданием смотрел вперед, на темную границу, которая должна сомкнуться над его нынешним существованием. Ему было тошно размышлять об этом, и он бежал от собственных мыслей, пытаясь развеять мрачные предчувствия в приятной надежде на бессмертие, надежде прочной, как полная жизни земля, надежде ободряющей, как любовь к существованию, которая смягчает подушку в недуге и дает стойкость в прощальной боли распада плоти, надежде, которая подбадривает патриота в разгар битвы и распространяет ореол над могилой мученика, надежде, которая рассеивает мрак, нависший над гробницей, и проливает свои золотистые лучи на порталы, которые должны открыться в «иной, лучший мир».

Надежда на бессмертие не ограничивается каким-то особым вероучением. Она берет свое начало в человеческом разуме и получила почти всеобщее согласие человечества, во все времена и во всех странах.

Люди обнаружили племена, которым было неизвестно понятие о Творце, но не нашли ни одного народа, у которого в той или иной форме не было бы веры и традиции на тему возвращения мертвых.

Эскимосы, дрожащие от холода под полярным небом, и кочующие племена Аравии, томимые палящим зноем среди своих песков, черпают вдохновение в таких верованиях.

Люди общаются с бестелесными духами своих умерших родственников, которые, хотя и невидимы для смертных, продолжают принимать активное участие в делах тех, кого они оставили в этом мире.

Александр Поуп, говоря о надежде индейца на бессмертие, прекрасно выразил это первобытное чувство, живущее в груди даже дикаря, варвара, о котором он так говорит в своей поэме «Опыт о человеке»:

Однако же знаком он с небесами,
Которые за ближними лесами;
Отрадный мир без горя и тревог,
Какой-нибудь счастливый островок,
Где скромный рай рабам усталым дан,
Где не грозит им алчность христиан.

Это чувство естественным образом возникает из горячего желания, чтобы живые помнили и славил нас после того, как смерть отняла нас у них. Самый ничтожный человек, который не жил в преступлениях и не погиб в бесчестии, смягчает ужас своего последнего дня жизни робкой надеждой, что, когда его не станет, о нем будут помнить другие обитатели его жилища, соратники и сотоварищи.

Отсюда то удовольствие, которое мы получаем, отдавая дань любви к умершим. Скорбящий с чувством, близким к благоговейному трепету, посещает места, в которых прежде бывал его близкий друг или предмет его любви. Он как бы стремится вновь увидеть облик, которого могила лишила его навсегда, чей дух, льстит он себе, может быть, витает вокруг него, пусть и незримо, и одобряет, пусть и неслышно, силу его неослабевающей

привязанности. Надежда на бессмертие не только возбуждается в уме человека чувством жизнелюбия, но и подтверждается чередой перемен, постоянно происходящих в строении многочисленных организованных существ вокруг него. Он наблюдает, как цветок раскрывается во всей своей красе, затем меняет свою форму, бледнеет, увядает и умирает. Он видит, как листья леса колышутся и зеленеют, покидают свой родительский стебель и, шелестя под дуновением ветерка, покрывают поблекший газон. Но молодая весна, возвращаясь, покрывает землю травяным ковром, украшает вересковые холмы вплоть до самого горизонта, где земля смыкается с небом, и бросает красоты бытия, вновь созданную ею жизнь на лоно возрождающейся природы. Он видит, как жизнь ввергается, словно цветок, в поток времени, как она, пройдя детство, с улыбкой распускает свой бутон во взрослую жизнь, как в пору зрелости она роняет свои лепестки, готовясь к могиле.

Погружается ли тогда человек в вечный покой? Забвение навсегда смыкается над его естеством? Нет! Душа содрогается при этой мысли. Исчезновение заставляет трепетать даже грубого и дикого человека; а тот, кто знает надежду христианина, устремляет взор, исполненный веры, за пределы могилы, на голубеющие вдали горы с мягкими тенями, на густые леса, напрягает глаза, полные тоски, и шепчет молитву, чтобы, когда свинцовый сон смерти опустит ему веки, он со своим верным псом мог бы вечно жить в тех местах. Он считает могилу лишь биваком, полуночным часом бытия, проливающим свет на бессмертие, одновременно своей наградой и ниспровержением самой смерти.

Любовь к жизни присуща каждому живому существу: от червяка, который живет только для того, чтобы механически выполнять свою работу, до человека, который уповает на бессмертие. Все упорно цепляются за жизнь. Сила жизнелюбия не ослабевает даже в сознании неверующего. Это естественная основа веры в загробную жизнь, и она позволяет наслаждаться надеждой на грядущий мир; а надежда дает возможность предвосхищать ее осуществление.

Жизнь лишается своих лучей, и надежда увядает под безрадостной перспективой безверия. И все же это чувство так сильно и так великодушно для конституции человека, что даже приверженец безверия, подобно преступнику на эшафоте, желает жить, хотя у него нет никакой надежды на загробное существование.

Но не только в организованном бытии мы должны искать этот разрушающий и воспроизводящий принцип. Каждая форма сотворенного существа должна подчиняться непреложным законам природы.

Храмы, в которых поклонялись наши предки, исчезают. Дворцы, построенные на средства национального достояния, превращаются в руины. Памятники, призванные подарить человеку посмертное бессмертие, крошатся и падают, а прочный каркас земли покрывается бороздами под спудом многих лет.

Однако есть нечто, что выдерживает потрясения, элементы которого не стареют и не умирают. Огонь может уничтожить органическую форму, а летающий в небе ветер рассеять останки, но тот непостижимый элемент, таинственной действующей силой которого является жизнь, никогда не может быть уничтожен, пока судьба природы не будет predeterminedена и все ее формы не будут отмечены печатью вечности.

В нашем исследовании предрасполагающих причин, которые впервые привели человечество к вере в существование духов, борющихся друг с другом за власть над судьбами рода людского, мы обращались только к впечатлениям, производимым на грубый и непросвещенный ум наблюдением за атмосферными и другими постоянно происходившими перед ним изменениями, когда надежда на бессмертие смешивалась со страхом исчезнуть, а пыл преданного служения Богу – с суеверием невежества.

Причины, которые мы должны теперь рассмотреть, хотя и в равной степени зависят от впечатлений, производимых на ум посредством мозга, еще в меньшей степени являются объектами

внешних чувств и требуют более пристального изучения отношения, в котором они находятся к этому важному объекту психической жизни.

Мозг, рассматриваемый как собственно орган разума, не следует понимать как отдельный орган, ибо он в действительности представляет собой совокупность органов, каждый из которых является ячейкой для определенной ментальной силы (один орган предназначен для удивления, другой – для почитания, третий – для формирования, окраски и т.д.), через весь этот ряд образуя вместилище сознания и центр, к которому передаются все впечатления, производимые на нервы, распределенные по телу, и из которого передаются команды воли для приведения различных частей в движение.

Шотландский френолог Эндрю Комб в своей книге «Исследование психических расстройств» написал:

«Разум видит посредством глаза точно так же, как он думает или чувствует посредством мозга. Поскольку изменения в состоянии глаза ухудшают или уничтожают способность видения, не затрагивая принципов разума, отсюда следует очевидный вывод: подобным же образом изменения в состоянии мозга могут разрушить способность чувствовать или мыслить, и все же сам ум или душа остаются по существу теми же самими».

Если затем разум проявляет себя посредством материальных органов, его эманации выражены с силой, более или менее пропорциональной возрасту, здоровью и активности выражающего органа. То, что мозг являет собой совокупность различных органов, каждый из которых представляет отдельную способность, подтверждается тем, что один или несколько органов могут спать или бодрствовать одновременно, или они могут быть больными и здоровыми. Если бы мозг был единым органом, то его проявление в столь противоположных состояниях одно-

временно было бы совершенно невозможно. Мозг, как и другие физические органы, подвержен утомлению из-за напряжения и должен получать покой. Сон заключает в свои баюкающие объятия органы, один за другим.

Тонкие и хрупкие инструменты мысли, чувства и движения также не теряют своей силы до тех пор, пока весь мозг не будет охвачен параличом сна, что дает прекрасный и в то же время простой пример феномена сновидения. Нижеследующий необычный сон наглядно показывает последовательное пробуждение психических органов.

В журнале «Phrenology Journal» мы читаем следующее:

“Мистеру С приснилось, что он сидит в своей гостиной с другом, а на столе лежит кусок черной ткани, «телесного цвета», по случайно оброненному замечанию друга. Затем между ними возник спор о цвете этой ткани. Мистер С утверждал, что она черная, а его друг столь же настойчиво настаивал на том, что она телесного цвета. Спор разгорелся нешуточный, и мистер С предложил поспорить, что она черная. Его друг также предложил поспорить, что она телесного цвета. В итоге мистер С даже заключил с ним пари. И тут его друг воскликнул: «А разве кожа половины человечества не черного цвета?» Таким образом, он выиграл пари, «положив на обе лопатки» мистера С, который признался, что мысль о том, что черный цвет тоже имеет право называться телесным, никогда не приходила ему в голову. Необычность этого сна состоит в том, что в мозгу одновременно проходили две операции, причем часть мозга, олицетворявшая его самого, не имела ни малейшего представления об уловке, которую часть мозга, олицетворяющая его друга, держала в запасе, чтобы выиграть спор. Напротив, он говорит, что был крайне смущен этим замечанием и тотчас подумал про себя, каким глупцом он был, что сам не додумался до этой идеи!”

В этом сновидении мы наблюдаем замечательный пример двух разных рассуждений, происходящих одновременно в уме сновидца. Один психический агрегат даже не догадывался о направлении мыслей другого, пока позиция последнего не была выражена вербально.

Следующее объяснение этого сновидения дано в вышеупомянутой работе, вполне удовлетворительное и в то же время простое и естественное.

“Мозг сновидца, будучи совершенно спящим, начинал постепенно пробуждаться. Органы для цвета, формы, размера и т.д. первыми частично пробудились ото сна – отсюда возникло восприятие куска ткани, которому ум тотчас присваивает определенный цвет. Следующий орган, который начинает восстанавливаться после своей летаргии, отвечает за воинственность: ум немедленно представляет себе присутствие другого человека, который оспаривает вывод, к которому он пришел ранее. Затем возникает одна из тех дискуссий, столь наглядно описанных в процитированном выше отрывке, которая заканчивается поражением его первоначального мнения. Затем проявились остроумие и скрытность, которые, приведенные в действие, породили идею ткани телесного цвета. Одобрение последним стряхивает с себя оцепенение и вызывает чувство стыда за свое очевидное поражение”.

Итак, мы вкратце остановились на феномене сновидений, поскольку считаем, что они были одним из наиболее плодотворных источников веры в существование духов, которые с добрыми или злыми целями посещали в часы сна тех, к чьим обстоятельствам они проявляли интерес. Но поскольку мы намереваемся более подробно остановиться на этом предмете, когда будем рассматривать феномен привидений, призраков, фантомов, суеверий и т.д., мы упомянем здесь лишь о том, что предчувствия зачастую возникают в результате болезненного